

В.А. Чалмаев

Историческое место М.А. Шолохова в русской литературе

«Мы были людьми. Мы — эпохи...» XX век, героическая и трагическая, святая и грешная эпоха русской истории, сейчас трудно и нерешительно подводит итоги развития художественного слова. Он с трудом узнает людей, которые не просто отразили свое время, но создали его, стали его образами. Частичная гибель, утрата «географического пространства» отечества способствует ослаблению исторической памяти.

Бурное, переломное столетие войн и революций — XX век, — имеющее «изломистое», как говорил Шолохов, клочковатое строение, массу разрывов в начале и в середине, самоотречений — а в конце века и Смут! — к тому же явно разомкнуто ныне в новый, еще более тревожный XXI век.

XX век закончился формально, но он продолжается драматично в новых катастрофах, утратах, реформах, в общей неустойчивости, зыбкости бытия, увы, угрожающего всей русской культуре XXI века.

Михаил Шолохов...

Как определить историческое место этого бесспорного классика русской культуры, его беспримерный подвиг сотворения не шумной личной славы, а великой творческой судьбы, неотделимой от судьбы народа? Определить среди нынешнего межвременья, измелъчанья, среди угроз самому русскому языку?

Выдающийся русский композитор, современник Шолохова, Георгий Васильевич Свиридов, подводя на свой лад итоги XX века, вспоминая нелегкий опыт борьбы с политизированным заказным псевдоискусством, с наивной доверчивостью к обманам народных масс, в дневнике под рубрикой «Важное» выделил идею непрерывного нравственного подвига. Она всегда жила в Шолохове и во всех немногих истинно-национальных русских художниках.

Композитор Георгий Свиридов писал:

«Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне — есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории и выдавать за нее нечто совсем другое...

Страшно увеличилось ощущение бездомности русского человека...

У народа нет отношения восторга к своим художникам. Хорошо лишь художникам, обслуживающим сословия и выделяющим их из общенародной массы как “избранников”: сословие ли буржуа, или национально-избранных, или по принципу политических убеждений...»

Его слова созвучны чувствам Михаила Шолохова, писавшего свой «Тихий Дон» в атмосфере разрушительных требований, «поправок», ограничений.

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984) не дожил до XXI века. Он не увидел нынешних размытых перед псевдоискусством, перед порнодетективщиной границ, усиливающих чувство одиночества и ненужности народного художника, не ощутил возросшего страшного чувства бездомности русского человека. Но он знал, что трагедия Григория Мелехова может повториться... А потому очевидно, что именно Шолохов с его величайшим чувством народосбережения, стремлением к спасению чистоты детства, очищения помраченных душ приобретает ныне все большее значение как великий правдоискатель и общенациональный заступник.

Сквозь всю сердцевину XX века — с 1925 по 1940 год — как линия нравственного подвига, труда сотворения величайшей творческой судьбы проходит мучительная история создания Шолоховым гениального романа «Тихий Дон». И вовсе не как романа о «казаче-

стве в гражданской войне», о «блужданиях середняка», «муках отщепенца», а как общенациональной эпопеи, как страстного моления о народном единении перед лицом очередной для России, самой суровой военной грозы 1941 года. Шолохов отстоял свой, казалось бы, «неактуальный» роман. И прежде всего его величественный, неимоверно-трагический, монументальный, вечный финал.

Задумайтесь над величайшим парадоксом гениальной сцены возвращения измученного Григория Мелехова к своему опустошенному дому, сцены, дописанной в атмосфере 1940 года, когда порохом пахло уже ото всех границ, когда десятки (и сотни) «подбадривающих» произведений часто в спешке создавала вся наша литература. И вдруг у Шолохова — одинокий, предчувствующий тревожный свой конец человек, бросивший оружие, всходит на высокий берег Дона с уцелевшим сыном на руках. Это уже не герой из бронзы, внушающий мысль о победе.

Шолохов отстоял именно такой финал, в котором вопреки печали, всем утратам герой превращается в воплощение мужества России, становится громким предупреждением о бедах от разобщения, от разделения, от ненависти, посеянной недругами России. В десятилетия, когда люди утратили жажду искупления и покаяния, именно этот герой обрел право пророчествовать и звать. Готовый ответить за все свои ошибки и грехи, лишь бы их не повторяли вновь, Григорий Мелехов стал воплощением выстраданного, предельно завершеного моления о единстве народа перед войной.

Если бы нашелся гениальный скульптор, запечатлевший во всем психологическом богатстве фигуру несломленного злом человека с испуганным ребенком на руках, то никакой социолог, неистовый ревнитель клановой, классовой, кастовой истины, не смог бы сейчас, в XXI веке, сказать на языке былых этикеток, кто же он: «белый», «красный», «кулак», «середняк», «отщепенец», «зафлаженный волк»? Все эти этикетки, социологическая ветошь брошюр и листовок слетели с него. Осталось общечеловеческое — единственное, на что стоит обращать внимание.

В 1930–40-е годы романы-эпопеи о революции обычно заканчивались разрешением всех больных социально-политических, семейных и даже философских вопросов. Революционный эпос как бы завершал все хождения по мукам и героев, и России. Но ведь Григорий Мелехов, стоящий перед разоренным своим домом, не знающий даже своей близкой судьбы, не верящий в мудрость нового властителя Мишки Кошевого, не символизирует собою разрешение всех проблем. Он молчит, умоляя не трогать ребенка, но как ощутимы его вопросы к настоящему и грядущему: кто же ответит за пролитую здесь же, на Донской земле, кровь, за его собственную несчастную судьбу, за отца, умершего на чужбине, того же Мишатку? И в этом философском подходе — одна из характерных черт мировосприятия писателя.

Мировое зло в XXI веке, не обходящее и Россию, научилось прятаться, растворяться в чуждой доверчивости, наивности, оно умеет быть болтливым и безликим. И даже художественное слово распознать его пути к разрушению целых народов часто не в состоянии.

Шолохов предупреждал нас и об этом. Он — единственный в советской литературе мастер слова, человек-эпоха, который в немыслимо трудное время рискнул ответить на все тревожнейшие, вечные для России вопросы, актуальные и в наши дни.